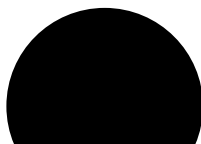

КТО ПОБЕДИЛ СССР:
«ХИППИ» ИЛИ «ЯППИ»?

Партнер проекта

**ЧТО
ТАКОЕ
РОССИЯ**

ДМИТРИЙ ТРАВИН

КТО ПОВЕДИЛ СССР:
«ХИППИ»
ИЛИ «ЯППИ»?

ПОКОЛЕНИЕ
СЕМИДЕСЯТНИКОВ
МЕЖДУ СВОБОДОЙ
И ПОТРЕБЛЕНИЕМ

НОВОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

2026

УДК 94(47+57)«19»

ББК 63.3(2)63

Т65

Редактор серии И. Мартынюк

Травин, Д.

Т65 Кто победил СССР: «хиппи» или «яппи»? Поколение семидесятников между свободой и потреблением / Дмитрий Травин. — М.: Новое литературное обозрение, 2026. — 496 с.: ил. (Серия «Что такое Россия»).

ISBN 978-5-4448-3013-0

Эта книга — продолжение бестселлера Дмитрия Травина «Как мы жили в СССР» — рассказывает о формировании поколения «семидесятников». Ее герои — те, кто вошел в активную, сознательную жизнь в «долгие семидесятые», длившиеся с конца хрущевской оттепели и до начала горбачевской перестройки. Почему люди 1950-х — 1960-х годов рождения получили именно такими, а не иными? В чем их отличие от других советских поколений? Каковым было значение свободы для семидесятников? Как оно сочеталось с ориентацией поколения на блага потребительской культуры и конформизмом в личных стратегиях под воздействием вызовов эпохи застоя? Дмитрий Травин дает оригинальные ответы на эти вопросы, опираясь на серию бесед с яркими представителями эпохи, а также на дневники, мемуары и исследования. Дмитрий Травин — кандидат экономических наук, специалист по экономической истории и исторической социологии, с 2008 по 2024 год — научный руководитель Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге.

УДК 94(47+57)«19»

ББК 63.3(2)63

© Д. Травин, 2026

© Е. Абрамова, иллюстрации, 2026

© Д. Черногаев, дизайн серии, 2026

© ООО «Новое литературное обозрение», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Между свободой и потреблением	7
Глава 1. Как изучать поколения?	18
Иван Тургенев: не только «Отцы и дети»	18
Карл Мангейм и трагический германский опыт	26
Черты эпохи, а не портрет миллионов	40
<i>Первый кинозал. Большие проблемы больших семей.</i>	47
Глава 2. От Красного Октября до Пражской весны	54
«Сегодня, после пшенной каши мы учредили трибунал»	56
Искали замыслов, а не умыслов	84
Выдать замуж старую подрумяненную шлюху	107
<i>Второй кинозал. Война с ветряными мельницами</i>	129
Глава 3. Семидесятнический рубеж.	136
По сто баксов «на Катю»	136
Зачем красить машины?	146
Внутри цветной открытки	154
Спасти Майю Плисецкую	164
Тайная страсть Рудольфа Нуреева	173
Исповедь «покупанта»	182
Распад советской сказки	191
«Голая правда» и правда одетая	197
Тайная миссия Штирлица	205
Мерзость запустения	212
До свиданья, наш ласковый Миша	221
Провал «аристократии духа»	226
<i>Третий кинозал. Гениальная неудача Сергея Соловьева</i>	233

Глава 4. Рождение семидесятников	244
Брежнев сошел с ума!	244
Монте-Козло	252
Двубровый орел	261
Делаем вид, что едем	270
Утечка духовности	280
Не жжет позор за мелочное прошлое	290
Долгая дорога в дюнах	299
В Юсупов сад гулять водил	306
<i>Четвертый кинозал. Делать дело и иметь деньги</i>	<i>316</i>
Глава 5. Пути семидесятников	325
«Все они красавцы, все они таланты, все они поэты»	325
Герой мутного времени	335
...А Прага сердце мне не разорвала	342
Синтез семидесятника	352
Что внутри у Ильича?	361
Самоликвидация андроида	371
Симулякр революционности	394
<i>Пятый кинозал. Опасная игра, или Семидесятники атакуют</i>	<i>403</i>
Глава 6. Явление семидесятников	411
Эскалация секса	412
Ни физики, ни лирики	419
Литературоцентричная история	424
Макулатурный вклад в образование	431
Демократия «в нагрузку»	433
Не мальчиком, но мужем	442
Конец «семидесятника в себе»	452
<i>Шестой кинозал. Сталкер здесь больше не живет</i>	<i>462</i>
Заключение. Новые «семидесятники»?	469
Пореформенное поколение	472
Путинское поколение	476
Библиография	479

Предисловие. МЕЖДУ СВОБОДОЙ И ПОТРЕБЛЕНИЕМ

Много лет мы с моим старым другом спорили на разные темы. В молодости он был бесстрашным диссидентом, выражавшим антисоветские взгляды и пострадавшим за вольномыслие. При этом Саша, в отличие от меня, приверженец левой идеологии, по сей день отдающий дань марксизму, очищенному от всякого советского догматизма. И вот как-то раз он написал текст, где сформулировал то, что долго разделяло нас в одном из важнейших споров. Дима, отметил он, полагает, что СССР победили «яппи», а я считаю, что «хиппи». Иными словами, победили, согласно его мнению, идеи свободного общества, а не идеи общества потребления.

Использование терминов «яппи» и «хиппи» — это упрощение. В свободном мире отстаивают свободу не только хиппи. Более того, они даже не составляют большинства среди борцов. Те же яппи отнюдь не противники свобод. Свободное общество вообще не существовало бы, если бы его не поддерживали успешные профессионалы, рано или поздно занимавшие ведущие места в политике, бизнесе и массмедиа. Однако такая постановка вопроса мне понравилась. Александр сумел в образной форме найти выражение той проблемы, над которой я размышлял годами, но под иным углом зрения. Это проблема нашего поколения и его места в истории нашей страны. В частности,

в трансформации Советского Союза, который, став современной Россией, что-то взял из прошлого, а что-то оставил в нем навсегда. По большому счету наш спор шел о таких вопросах: разрушил ли СССР культ свободы, пришедший с Запада, или проникший оттуда же культ потребления? Решил ли советский человек изменить жизнь, поскольку захотел демократии или потому что соблазнился полными прилавками? Раздражал ли нас тоталитаризм или дефицит товаров?

В общем, образ, придуманный Александром, я сразу решил использовать для названия этой книги, за что от всей души его благодарю. Возможно, обыватели, увидев название, но поленившись прочесть книгу, будут считать, что автор в ней рассказывает, как толпы волосатых хиппи и прилизанных яппи с разных сторон напали на несчастный Советский Союз. Однако книга эта не о Советском Союзе в целом и не об обстоятельствах последних лет его существования, а о тех, кто рос в СССР, воспринимал разные влияния, а затем, набрав информации об устройстве современного мира, «похоронил» старый режим. Книга эта о моем поколении, которое принято называть семидесятниками. О тех, кто появился на свет в 1950–1960-х годах и вошел в сознательную жизнь в эпоху брежневского застоя, то есть примерно в интервале между завершением хрущевской оттепели (1965–1968) и началом горбачевской перестройки (1985–1988). Я бы назвал период формирования моего поколения «долгими семидесятыми», поскольку общие черты эпохи проявились еще до наступления

календарных семидесятих годов, а исчезли — после их завершения.

Жанр этой книги довольно странный. Я бы определил его словами литератора Даниила Данина, писавшего «Бремя стыда» в ту эпоху, когда мысли интеллектуалов были почти перестроечные, а цензура — вполне советской. «Можно писать исторически. Но, пожалуй, рано еще. Можно писать истерически. Но, пожалуй, поздно уже. Останусь вольнопишущим» [Данин 1996: 298]. В моей книге уже нет тех эмоций, которые были свойственны нам, молодым, в ту эпоху, когда напористые семидесятники вытесняли консервативных стариков из общественной жизни. Нынче я пытаюсь не вытеснять, а понимать. Но не расставляю все точки над «і», предполагая, что вдумчивый читатель сделает это сам. История будет написана лишь тогда, когда эпоха семидесятников завершится и мы увидим не только ее начало, но и ее конец.

Историю «долгих семидесятих» можно сравнить с историей николаевской России XIX века, когда, по справедливой оценке американского историка Пола Верта, происходила скрытая трансформация империи. В своей яркой, новаторской книге «1837 год» [Верт 2025] этот автор рассматривает один краткий период из 30-летней эпохи Николая I, берет десяток важнейших событий, случившихся тогда (гибель Пушкина, премьеру «Жизни за царя» Глинки, дело Чаадаева, большое путешествие цесаревича Александра, создание губернской прессы, формирование Министерства государственных имуществ, войну в Средней Азии,

объединение грекокатолической церкви с православной, строительство первой железной дороги, пожар в Зимнем дворце), и показывает, как разнообразные новшества тихо готовили большие перемены. В тихом омуте, как известно, черти водятся. В эпоху «долгих семидесятых» тоже тихо вызревали перемены. Наверное, можно было бы написать книгу «1980 год» и рассмотреть в ней Московскую олимпиаду, начало Афганской войны, высылку академика Сахарова, выход на экраны фильма «Гараж» Эльдара Рязанова, кончину писателя Юрия Трифонова, смерть Владимира Высоцкого и появление на Таганке посвященного ему спектакля, а также последнюю попытку вдохнуть жизнь в советскую экономику с помощью манипулирования системой плановых показателей. Но у меня иной подход. Я смотрю, как события «долгих семидесятых» влияли на формирование нового поколения — на «чертей», которые вдруг стали делать то, что трудно было ожидать от октябрат, пионеров и комсомольцев. Из книги Верта, при всем ее большом значении, неясно, откуда взялись люди, осуществившие Великие реформы Александра II. А мне хочется понять, откуда взялись те, кто сформировал современную Россию: от политической системы и бизнеса до культуры и журналистики.

Естественно, для того чтобы понять семидесятников, надо поговорить и о других советских поколениях. Быстрая их смена в XX веке определяется спецификой нашего крутого исторического пути. Зарубежные исследователи обращали внимание на то,

что если для американцев поколенческий фактор не представляет большой важности, то «в СССР, напротив, люди весьма чувствительны к проблеме поколений и постоянно обращаются к ней как в печати, так и в частных разговорах. Возможно, потому, что в России XX век был очень драматичным и опыт разных возрастных групп сильно отличался, люди полагают, что поколенческие различия важны» [Hough 1980: 8]. «Жизненный опыт и возможности варьируются столь сильно, — разъясняет читателям другой автор, — что новые поколения имеют в советской системе разные политические ценности и ожидания» [Bahry 1987: 61].

Я пишу о разных поколениях, но концентрируюсь на семидесятниках, которых лучше знаю и судьба которых мне наиболее близка. Мы были октябрятами, пионерами и комсомольцами. Мы читали лозунги: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Какое-то время мы с доверием воспринимали слова, произносимые взрослыми. Но одновременно смотрели зарубежные фильмы, читали зарубежные книги, слушали зарубежную музыку и учились воспринимать мир шире, чем хотели бы наши учителя. Из этого соблазнявшего нас мира приходили идеи, нехарактерные для мира октябрят-пионеров-комсомольцев. Если слегка обобщить, то можно сказать про влияние двух больших идей: Свободы и Потребления.

Мы узнавали, что человек по ту сторону железного занавеса может выбирать своих правителей, может путешествовать по разным странам, может говорить

то, что вздумается. Образ жизни хиппи — это идея свободы, доведенной до логического завершения или даже до абсурда, но в целом свобода для нас ассоциировалась не только с отдельными западными субкультурами, а с Западом как системой.

Мы узнавали, что человек в мире, не строящем коммунизм, может приобретать товары без очередей, что сам товарный мир там разнообразнее и что производство при рынке ориентируется на покупателя. Полагая, что образ жизни яппи можно считать идеей потребления, доведенной до логического завершения или даже до абсурда, мы все же понимали, что возможности потребления вне социалистического мира были высоки не только у представителей «эксплуататорского класса».

Я не стремлюсь однозначно определить, что сгубило Советский Союз: соблазн мира свободы или соблазн общества потребления. Бесспорно, влияло как то, так и другое. Но есть все же принципиально важные вещи, на которые стоит обратить внимание. Я постараюсь показать, почему не стоит переоценивать значение свободы для семидесятника, хотя многие из принадлежавших к этому поколению хотели бы позиционировать себя как истинных ее приверженцев, и почему не стоит недооценивать роль потребления, хотя человек редко желает слыть поклонником культа вещизма*. Мне в этой книге придется, увы,

* О судьбе советских хиппи (без кавычек) есть интересное исследование, которое показывает, в частности, что многие из них сами (без прямых репрессий со стороны властей) дошли до трагического конца, а те, кто выжили

писать о вещах, которые не красят мое поколение (и меня лично), но без такого подхода к прошлому не стоит затевать дело. Я не мемуарист. Мемуаристы нередко вспоминают прошлое для оправдания себя в глазах потомков. Но мне хочется понять роль моего поколения в истории, а для понимания важно не врать самому себе.

Это касается не только дилеммы «свобода — потребление». Это касается в целом оценки нашего личностного становления, нашей способности преодолевать догматизм и больше всего нашего отношения к конформизму. Соблазнительно бывает порой сделать себя чуть-чуть умнее, чуть-чуть прозорливее, чуть-чуть бескорыстнее. Однако все эти «чуть-чуть» могут в конечном счете сильно сместить акценты в исследовании, и правда эпохи затеряется в самооправданиях. Я не надеюсь быть полностью объективным в своей работе. Порой самому себе трудно дать точный отчет в том, как вел ты себя 40 лет назад, чем руководствовался в принятии определенного решения и почему выбрал тот, а не иной путь. Но надо стараться идти в этом направлении хотя бы тогда, когда понимаешь, где правда, а где ложь, где реальное прошлое, а где конструкт, сочиненный задним числом.

В одной из лучших книг о советском прошлом историк Наталия Лебина говорит: «Я была советским

в своих духовных передерягах, стали в постсоветской России националистами и антизападниками [Фюрст 2023: 623–626]. Конечно, о «хиппи» (в кавычках) как о широком движении советских сторонников свободы так сказать нельзя, но все же...

ребенком, родившимся в семье членов коммунистической партии, и оставалась такой же в юности, чего не стыжусь ныне в своем очень зрелом возрасте. И это честнее, чем стремление многих обязательно приписывать себе статус бывших стилиг или диссидентов» [Лебина 2023: 472]. Я тоже стараюсь не приписывать себе чего-то такого, что не было мне свойственно. И по отношению к своему поколению желаю придерживаться подобного подхода.

Мысль написать о том прошлом, которое я помню, и о месте моего поколения в нем пришла ко мне давно. Практически в тот момент, когда я прочел замечательную книгу моего друга Андрея Колесникова* «Попытка словаря. Семидесятые и ранее» [Колесников 2010]. Андрей смог найти удивительно точный подход к оценке своего прошлого в сочетании мемуаристики с аналитикой, лирического проникновения в прошлое с точным описанием фактов. Если раньше мне представлялись интересными в основном аналитические размышления об эпохе больших перемен, начавшихся в середине 1980-х годов, то Андрей вскрыл в моем сознании новый пласт, и я понял, что тоже хочу вспомнить «долгие семидесятые», хотя несколько иначе, чем сделал это мой друг. Шестнадцать лет назад я энергично взялся за работу, прочел много монографий, мемуаров и дневников, повествующих о той эпохе. В какой-то момент даже сделал большой доклад, где попытался

* Внесен Минюстом РФ в Реестр иностранных агентов.

бросить первый взгляд на формирование поколения семидесятников, или семидесятнутах, как их порой иронично называют [Травин 2011]. Однако затем работа надолго застопорилась. С одной стороны, меня затянул большой исследовательский проект о причинах российской отсталости. Но с другой — мои размышления о семидесятниках требовали серьезных уточнений, дополнений, переосмыслений и, в частности, сбора оригинального, не опубликованного ранее материала. Не было уверенности, что я смогу в полной мере отдать самому себе отчет в том, как вижу прошлое.

Когда-то Александр Блок написал: «Рожденные в годы глухие // Пути не помнят своего. // Мы — дети страшных лет России — // Забыть не в силах ничего». Поскольку я пишу о поколении, рожденном в самые глухие годы, вспоминать особенности нашего становления оказалось довольно сложно. Надо было воскресить умершие чувства, восстановить в памяти то, что когда-то казалось мелким, неважным, суетным.

Но шло время, материал дополнялся, перепроверялся и систематизировался. Лучше укладывался в голову. И наконец настало время писать книгу. Точнее, две книги. Материал о Советском Союзе в целом вошел в издание «Как мы жили в СССР» [Травин 2024], а материал о формировании поколения семидесятников — в этот мой труд. Конечно, обе книги тесно сплетены и лучше изучать их вместе, но я постарался избежать появления слишком толстого тома, отпугивающего читателя.

Я в полной мере почувствовал, что готов к публикации этой книги, когда взял более полусотни интервью у заметных представителей поколения семидесятников и создал тем самым базу для размышлений, основанных не только на моем жизненном опыте, но и на опыте ровесников. Среди моих собеседников были вице-премьеры Борис Немцов, Анатолий Чубайс, Алексей Кудрин, министры и заместители министров Илья Южанов, Михаил Дмитриев, Дмитрий Васильев, Сергей Васильев, Дмитрий Панкин, первый вице-спикер Госдумы Владимир Рыжков, генерал-полковник ФСБ Виктор Черкесов, полковник Борис Подопригора, председатель Ленсовета Александр Беляев, вице-губернатор Петербурга Александр Потехин, писатели Денис Драгунский и Марина Шаповалова, солистки Мариинского театра Лариса Гоголевская и Валерия Стенькина, а также политики, профессора, журналисты, бизнесмены. Не буду перечислять всех, поскольку в книге есть ссылки на материалы каждого интервью, но отмечу, что моя благодарность собеседникам не знает границ. Без их поддержки я не решился бы завершить книгу, поскольку она больше походила бы на мемуары, чем на исследование. Лишь сверив свои впечатления с оценками этих блестящих интеллектуалов и увидев все разнообразие жизненных путей нашего поколения, я смог прийти к своим важнейшим выводам...

...Но все же эта книга получилась очень личной. Наверное, самой личной из всех моих книг. И может, поэтому наиболее мне близкой. Работая над

ней, я вспоминал всю свою жизнь: взлеты и падения, надежды и отчаяния, впечатления давних лет и недавние переосмысления опыта прошлого. Вспоминал лица людей, которых уже нет со мной рядом. Надеюсь, читатель не сочтет это недостатком исследования.